НОВОСТИ КУЛЬТУРЫ

Памяти поэта

23 февраля исполняется 76 лет со дня рождения Дмитрия Блынского, нашего замечательного поэта, земляка.

Его любят и помнят на Орловщине. Имя его носят улица в Северном районе г. Орла, средняя школа на Прокуровке, создан музей Блынского при школе; на доме по улице Горького, где проживал Блынский, открыта мемориальная доска. Помнят его и на родине — в деревне Васютино Покровского района.

Интерес к творчеству Д.И. Блынского постоянно растет. В школах Орловщины наряду с произведениями видных писателей изучаются и стихи поэта-земляка, коллективы художественной самодеятельности включают в свои репертуары песни на стихи Д. Блынского. Не отстают и библиотеки. Они организовывают литературные вечера, встречи, беседы, книжные выставки.

Так, в филиале № 9 централизованной библиотечной системы г. Орла (Веселая Слобода) накануне дня рождения поэта оформлена выставка одной книги «Расстояния».

Выставка посвящена последнему изданию, вышедшему в издательстве «Вешние воды» летом прошлого года. В сборник включены избранные стихотворения и поэмы Д.И. Блынского. Помимо самой книги на стендах выставлены ксерокопии документов, фотографий, связанных с творчеством Блынского, статьи из периодических изданий.

Как говорилось на открытии выставки, последний сборник «Расстояния» «не есть та последняя книга, которая подвела под Блынским черту в издательских планах на будущее, потому что тема его произведений — народная. И она неиссякаема, как неиссякаема сама жизнь».

Нина ХОХЛОВА.

ИСТОРИЯ ОДНОЙ ФОТОГРАФИИ

В одном из выпусков «Обратной связи» мы обратились к читателям с просьбой присылать нам истории из своей жизни, желательно с фотографиями. Многие откликнулись. И сегодня мы публикуем первую такую историю.

Родом из детства

Этот пожелтевший от времени снимок принёс в редакцию наш давний читатель Владимир Дмитриевич Тетерин. «Пожалуйста, аккуратнее, это дорогая для меня память», — попросил он, протягивая фото.

На снимке 1944 года восемь бравых молодцов. Совсем ещё пацаны, но сразу видно, что строгая военная форма им по душе. Это воспитанники 2-й Ивановской высшей офицерской школы летчиков и штурманов авиации дальнего действия. Наш читатель Владимир Тетерин на этом снимке сидит слева от воспитательницы. Взгляд любопытный, суровый и по-детски немного наивный. Ни за что не скажешь, что этот мальчишка уже успел многое пережить.

А история его, ещё до этой фотографии, действительно интересна.

Мальчик жил с родителями в Новочеркасске. Его папа — военный инженер — часто повторял ему: «Старайся, сынок, учись. Вырастешь, станешь инженером». Наверное, так бы всё и случилось, спокойно, обдуманно, запланированно, ведь учился парнишка хорошо, толково. Но всё перевернулось, как в кино, в один момент. Володя оказался в детском доме.

На первый взгляд, кажется, ничего необычного — в годы лихолетья многие дети оставались без родителей и воспитывались в казённых заведениях. Но Володя оказался в чужих стенах ещё до войны.

А дело в том, что его отца репрессировали по известной политической статье, мама умерла. Дедушка с бабушкой могли бы поднять внука на ноги, но мальчик с печатью ЧСИР (член семьи изменника Родины) мог сам оказаться в лагере, и его малолетний возраст в те годы не стал бы смягчающим обстоятельством. Дед ради спасения внука пошёл на крайние меры.

В то время он работал в Новочеркасске директором небольшой фабрики по выпуску красок и связи некоторые имел. С трудом, но мальчику смогли оформить документы в детский дом. Тем и спасли.

В 1942 году Новочеркасский детдом эвакуировали на юг. В спешном порядке собрали весь нехитрый скарб и продукты, погрузили на подводы и повезли. Через Дон переправлялись ночью на плотах вместе с отступающими войсками. А потом 300 километров дети шли пешком до города Сальска. Немцы уже бомбили, поэтому спать приходилось не ночью, а когда наступало затишье.

— Как я пережил потерю родных? — вспоминает Владимир Дмитриевич. — Рядом со мной были сверстники в таком же сиротском положении, и мы воспринимали ситуацию как данность, как факт, как страшную, но неотвратимость. Наверное, это была интуитивная защита ранимой детской психики.

Может быть, для нынешнего юного поколения звучит не совсем понятно, но в те дни мы страдали больше от голода и думали чаще о еде, нежели о родителях.

Но даже в этом страшном походе случались забавные моменты. Обычно во время обстрелов старались спасти не только себя, но и свой провиант. Кто мог, хватал с подводы первый попавшийся мешок или узел, и к земле — укрыться и замереть. Во время очередной бомбёжки спасли мешок с чем-то неожиданно мягким. Открыли — а там… театральные реквизиты. Видимо, когда в большой спешке собирали вещи, машинально прихватили и этот узел, казалось бы, с совершенно бесполезными вещами.

Но театральные костюмы оказались очень кстати. Ночи стояли прохладные, а дети были одеты легко. Девочки облачились в длинные русские сарафаны, мальчики — в широкие рубахи. Владимиру, с его высоким ростом, подошла только черкеска, да не какая-нибудь, а ярко-красная. Мальчик со славянской внешностью да в национальной черкеске смотрелся очень трогательно. Так кумачовым пятном он и щеголял почти весь длинный путь.

Прихваченные с собой запасы быстро кончились, и директору детдома приходилось добывать продукты где придётся. Часто обращались за помощью к сельским жителям, но не все с воодушевлением отвечали на просьбы. Это понятно — свои дети умирали от голода.

В общем, в путь отправились 40 детей-сирот, а до места эвакуации — в город Мары Туркменской Республики — дошли не все.

Здесь уже не стреляли и не сбрасывали бомбы, но поголодать детям пришлось. Владимир Дмитриевич хорошо помнит, что такое «затируха». Окунаешь влажные руки в муку самого низшего сорта и перетираешь между ладонями, бросая тонкие червячки из жидкого теста в кипящую воду. Конечно, если бросить сразу побольше муки, то получится что-то наподобие кулеша, но его выйдет очень мало — всем не хватит. А «затирухи» получится больше, и она хоть немного утихомирит голод.

В 1942 году детский дом получил гуманитарную помощь из Америки. Российские дети сразу заметили, что чужая одежда отличается от нашей. Они впервые увидели шёлковые одеяла (у них и простыней-то не было) и с удивлением обнаружили, что на американских брюках пуговицы пришиты так, что их не видно.

Впрочем, Владимира, как настоящего мужчину, мало интересовали какие-то шмотки. Он, несмотря на свой озорной возраст, оставался пытливым, любознательным мальчишкой и в учёбе не отставал. Возможно, поэтому именно его в числе других отобрали в высшую офицерскую школу.

Владимир очень хотел стать военным человеком. Желание было огромным, но обстоятельства изменили его желания. Впрочем, об этом он не жалеет. Владимир Дмитриевич состоялся в другой — не менее, а может, и более важной — профессии.

Он получил техническое образование, стал строителем и участвовал в важнейших стройках бывшего Советского Союза. В Орёл приехал старшим прорабом в начале 60-х да так здесь и живёт по сей день. Строил завод имени Медведева, «Текмаш», «Химмаш», сталепрокатный завод и многие другие объекты. Был начальником Орловского монтажного управления треста «Центртехмонтаж» и СПМК-1296.

–Если вы внимательнее присмотритесь к этому снимку, — улыбается Владимир Дмитриевич, вновь показывая мне товарищей из своего далёкого детства, — то вы заметите, что все мы тут в радостном, весёлом настроении и едва сдерживаемся, чтобы не рассмеяться в объектив, но военным надо держать марку, и мы старались.

Я помню всех с этой дорогой для меня фотографии. Мы все дружили. Где они теперь, как сложилась их судьба, живы ли, не знаю. Но берегу этот снимок как реликвию, как память о моём нелёгком детстве.

Ирина ПОЧИТАЛИНА.
Фото Анны АКАТЬЕВОЙ.

АКТУАЛЬНО

Под градусом

Казалось бы, какая мелочь — медицинский термометр. Купил и пользуйся, измеряй себе температуру хоть каждые полчаса. Если не разобьёшь случайно, то до конца жизни одного термометра хватит. Но это если хороший градусник попался, правильный.

Нашей читательнице в этом плане не повезло. За год она вынуждена была поменять пять градусников. В одном столбик ртути превратился в пунктирную линию, другой не хотел подниматься выше 35 градусов, третий, наоборот, всегда зашкаливал за 38, в то время как температуры у человека не было. Найти надпись изготовителя было невозможно, то есть какие-то невнятные обозначения присутствовали, но понять, какой именно завод изготавливал, мы не смогли. Только на двух градусниках прочитывалось более или менее чётко — Лтд. США. Кстати, термометры женщина приобретала и в муниципальных, и в частных аптеках, то есть какая в необходимый момент оказывалась ближе.

На первый взгляд, большой проблемы нет. Женщина возвращалась в аптеки, предъявляла термометр, его обменивали на новый, и на этом конфликт исчерпывался. На самом деле, это не мелочи. Точное определение температуры тела необходимо для точного диагноза, а верный диагноз — это половина успеха лечения, а порой и сохранения жизни человека. Ладно, если болеет взрослый, а если грудничок — он ведь не пожалуется. Хорошо, что наша читательница может определить температуру, прикоснувшись ко лбу ребёнка. А окажись на её месте совсем юная неопытная мама!

Мы решили провести небольшой эксперимент: можно ли в Орле проверить на качество обычный ртутный термометр?

Сегодня рынок, в том числе фармацевтический, далеко не бедный, но такого разнообразия поставок мы не ожидали. Откуда только не приезжает в наш провинциальный Орёл маленький дешёвый градусник! География обширна: Китай, Турция (кажется, нет такой продукции, которой бы эти страны не отметились у нас в России), США, Япония, Швейцария, Уфа, Казань, город Клин Московской области.

Бросилась в глаза одна особенность: родные российские градусники встречаются в наших аптеках гораздо реже, чем их импортные «коллеги». Хотя общий производственный брак среди отечественных термометров, по словам фармацевтов, явление нечастое.

В аптеках утверждают, что медицинский товар при поступлении в аптечные заведения должен сопровождаться сертификатом качества в обязательном порядке. Но некоторые особо добросовестные аптекари проводят ещё и входящий контроль некоторых наименований медицинских изделий. Например, в старейшей орловской аптеке №2 градусники проверяются, во-первых, визуально, а во-вторых, на предмет правильного реагирования ртутного столбика (с помощью теплой воды), есть ещё и другие способы проверки.

«Входящий контроль нам нужен для того, чтобы полностью исключить попадание бракованного термометра на прилавок, — рассказывает заведующая аптекой Н.А. Замыслова. — Но встречается брак нечасто: может быть, на партию в 50 штук попадается один. Если что-то изменится в данной ситуации в худшую сторону, то мы просто поменяем поставщика и перейдём на продукцию другого изготовителя».

Как нам объяснили в ОГУП «Медтехника», градусник относится к средствам измерения, которые используются в медицинских целях, а поэтому без сертификата качества ни одну партию товара аптека на реализацию не примет, независимо от формы собственности аптеки. Но в таком случае возникает вопрос: каким образом в иных аптеках всё же появляются фальсифицированные лекарства? А они появляются, это факт, о котором мы не раз писали. А значит, обязательный «сертификат качества» — отнюдь не препона и для некачественных градусников.

Надо сказать, что аптеки напрямую с заводами не работают. Они выбирают поставщика. Но если поставщик привозит некачественные медицинские изделия — его можно поменять.

«А вообще, в западных странах используются в основном электронные термометры, — говорит директор ОГУП «Медтехника» А.П. Цуканов, — так как они безопасные, экологически чистые и быстро выдают результат». Невольно напрашивается вопрос: а не сваливают ли нам другие страны ту продукцию, выпуск которой уже прекращен, а от залежавшегося товара надо поскорее избавиться?

Не утверждаю, что китайские или, скажем, американские градусники хуже, но ведь у нас есть свой завод-производитель в городе Клине Московской области. Зачем же нам поддерживать зарубежного производителя? По этому поводу мнения аптекарей неоднозначны.

«Почему мы торгуем американскими термометрами? Просто привыкли уже к этим поставщикам и менять не хотим. Цена подходящая», — призналась заведующая одной из орловских муниципальных аптек.

«Сейчас у нас в продаже отечественные термометры, но завтра могут быть и другие,— поделилась со мной заведующая частной аптекой. — Это от многих причин зависит — главным образом от закупочной стоимости».

Конечно, рынок диктует свои правила. Но создается впечатление, что всё зависит только от закупочной стоимости. Понятно, что аптека приобретёт у поставщика то, что подешевле, чтобы побольше выручить на перепродаже — ведь мы, покупатели, купим уже не «подешевле». А гарантии, что купленный градусник — качественный, не даст никто.

Хотя проверить его можно. Орловский центр стандартизации, метрологии и сертификации располагает всем необходимым для этого оборудованием. Но такая услуга небесплатная. А функции метрологического надзора с этого центра сняты несколько лет назад.

Есть ещё один вариант — обратиться с жалобой в территориальное отделение инспекции центрального межрегионального технического управления по Орловской области, но эта организация имеет право проверять только документацию на медицинское изделие — сертификат, правильность маркировки, подтверждение безопасности и прочие документы.

Что же остаётся нам — рядовым потребителям? В таких безвыходных ситуациях мы обычно обращаемся в отдел по защите прав потребителей Роспотребнадзора (территориальное управление федеральной службы по надзору в сфере защиты потребителя и благополучия человека по Орловской области). Но и здесь нас ждало разочарование. Нам предложили сделать официальный запрос с указанием адреса аптеки, где был приобретён некачественный градусник, изложить претензии по поводу качества градусника и так далее. В этом случае может быть проведена проверка.

Учитывая невысокую цену градусника, затевать такую волокиту из-за брака, конечно, никто из покупателей не станет. Махнет рукой да купит новый. Вот на это, видимо, и рассчитывают их недобросовестные производители и продавцы.

Получается, остаётся надеяться только на собственный контроль. Как нам бросила одна, раздражённая нашими вопросами, аптекарша: «Суньте градусник себе под мышку, не отходя от кассы, и проверяйте!».

Видимо, у нас это и есть самый надёжный контроль медицинских средств измерения.

Ирина ПОЧИТАЛИНА.

На пути к санаторию

Павел Александрович от услуг, предоставляемых социальным пакетом, не отказывался, так как лелеял надежду получить льготную путёвку в санаторий. И надежды его оправдались, появилась возможность поправить здоровье в «Дубраве». Оставалось только оформить документы, и ты — в санатории. Но оказалось, что главные испытания были ещё впереди.

Для начала предстояло обойти всех врачей в поликлинике и сдать анализы. У Павла Александровича, как он ни старался, ушло на это около двух недель.

Когда были поставлены все подписи и печати, пенсионеру сказали: «А теперь поезжайте в бюро медико-социальной экспертизы, где вам дадут талончик и расскажут, что делать дальше». Казалось бы, зачем ещё раз, перед другой медицинской комиссией, подтверждать необходимость пребывания инвалида в санатории, ведь все врачи поликлиники уже поставили свои подписи. Разве докторам поликлиники нет доверия?

Но делать нечего, 10 января поехал Павел Александрович за талончиком. Приём ему был назначен на 29 января. Значит, жди еще двадцать дней. Дождался. Но и отстояв в очереди несколько часов, он не получил долгожданного решения докторов. Взамен решения дали бумажку с солидным названием «Индивидуальная программа реабилитации инвалида». С этой бумажкой пенсионера отправили в поликлинику за справкой. Зачем опять в поликлинику? Павел Александрович толком не понял.

На все эти хождения пенсионер потратил около месяца, но оформление документов так и не закончил.

С аналогичными жалобами в редакцию обращались и другие льготники, которым предложили путёвки. Интересно наблюдение одной из наших читательниц, тоже прошедшей все инстанции сбора подписей: «И вот что удивительно: если у тебя вдруг не очень хорошие анализы, то тебе говорят — в больницу с такими анализами ложиться надо, а не в санаторий ехать. А если хорошие результаты, то спрашивают: «Почему у вас так всё положительно, а не завышенная ли у вас группа инвалидности?» — рассказывает жительница Орла, инвалид II группы.

С чем же связана столь напряженная ситуация оформления льготных путевок? За разъяснениями мы обратились в Орловское региональное отделение Фонда социального страхования, где узнали, что существует приказ Министерства здравоохранения и социального развития РФ, согласно которому для получения путевки инвалиду необходимо пройти освидетельствование в областном бюро медико-социальной экспертизы. Для чего нужно выстраивать такие сложные преграды на пути к санаторию больным и немощным людям?

Подобным вопросом задавались люди во многих регионах нашей страны. В коридорах поликлиник и других служб люди порой теряли сознание, пока добивались путёвки, положенной им в рамках социального пакета. Но, видимо, многочисленные жалобы, направленные в Министерство здравоохранения, возымели действие. Когда материал был готов к публикации, редакция узнала приятную новость.С удовольствием сообщаем её нашим читателям.

Министерство здравоохранения и социального развития РФ внесло изменения в приказ от 22.11.2004 года № 256 «О порядке медицинского отбора и направления больных на санаторно-курортное лечение», которые упрощают порядок получения путёвок на санаторно-курортное лечение для инвалидов. Раньше для получения путёвки инвалиду было необходимо пройти освидетельствование в бюро медико-социальной экспертизы с целью разработки индивидуальной программы реабилитации, потом на основании этой программы взять в поликлинике справку, дающую право на получение путёвки, и лишь потом обратиться в фонд социального страхования непосредственно за самой путевкой. Конечно, такое утомительное оформление документов вызывало серьезные жалобы.

Теперь, чтобы инвалиду получить в поликлинике справку для получения путевки на санаторно-курортное лечение, индивидуальная программа реабилитации не требуется, а значит, и освидетельствование в бюро МСЭ не понадобится.

Ирина ПОЧИТАЛИНА.